

*Посвящается Веге и Кастору.
Ваши имена — в звёздах.*

1

Мужчина двигался быстро, скользя вдоль голых кустов и деревьев. Казалось, что февральский ветер дул со всех сторон одновременно, впиваясь ему в щёки тысячами крошечных игл. Он затянул завязки на шапке, чтобы та села на голове поплотнее, и осмотрелся.

Вблизи крепости Кастеллет сегодня никто не бегал и не выгуливал собак. Вот уже несколько дней подряд температура колебалась около нулевой отметки, то опускаясь, то поднимаясь, словно речная волна. Ветер дул так сильно, что, казалось, наступила самая холодная зима столетия. Копенгаген совсем обезлюдел, словно город-призрак.

Мужчина остановился и прислушался.

...Тишина.

Ни сирен, взрезающих однообразный гул города. Ни синих проблесковых маячков, мерцающих в полутьме.

Он поднялся на самую вершину насыпи и оглядел гавань, которая раскинулась перед штаб-квартирой компании «Мэрск», и парковку у ресторана «Толбоден». Увидев, что парковка пуста, он нахмурился и посмотрел на часы.

Ну и где их черти носят?

Мужчина достал пачку сигарет из внутреннего кармана и присел на корточки возле одной из крепостных пушек. Хотел щёлкнуть зажигалкой, но руки до того заледенели, что кожа на них уже приобрела восковой оттенок и они казались мёртвыми. Он стал выпрямлять

и сгибать пальцы, чтобы восстановить кровообращение, и заметил кровь — маленький лилово-чёрный полумесяц под ногтем на указательном пальце.

Он лениво попробовал выскрести запёкшуюся кровь, но вскоре бросил и снова занялся зажигалкой. Как только удалось её зажечь, он сразу же засунул руки в карманы и плотнее сжал сигарету губами, не прекращая нетерпеливо ходить туда-сюда и то и дело бросая взгляд на парковку.

Да давайте уже, чёрт побери!

Он не любил тишину. Ожидание всегда делало его беспокойным, у него начинало сосать под ложечкой. Лучше уж чем-нибудь заниматься, постоянно быть в движении. Тишина давала время на размышления, возвращала его туда, где дым стоял до того плотный, что приходилось пробираться на ощупь мимо мёртвых, искалеченных тел. К крови, которая текла у него из глаз и бежала по щекам, к тишине. К парализующей тишине, которая следовала за взрывом, пока они — те, кто мог, — выползали из пыльной тьмы и собирались вокруг разрушенного здания.

Окаменевшие. В шоке.

Если бы он только мог освободиться от этих воспоминаний. Отпустить их, как связку воздушных шаров, и смотреть, как они исчезают, пританцовывая, в небе и наконец полностью скрываются из виду.

Мужчина вновь посмотрел вниз, на «Толбоден», и заметил серебристую «Ауди», которая подъехала к зданию и остановилась. Двигатель не заглушили; вылетавшие из нагретой выхлопной трубы газы клубились облачками. Дальний свет фар один раз моргнул, давая понять, что можно идти.

Наконец-то!

Мужчина начал спускаться к машине, но на полпути к подножью крепостного вала нечто заставило

его сбавить скорость. Он прищурился и пристально посмотрел на мост, перекинутый надо рвом, который опоясывал крепость.

Затем остановился.

На середине моста стоял кто-то, почти совсем неразличимый в сумерках: лишь силуэт человека в капюшоне с оранжевым рюкзаком за спиной. Мужчина замедлил шаг, увидев, что фигура замерла в странной позе, нагнувшись вперёд. А остановился он, когда понял, что этот кто-то крепко держит ребёнка.

Мальчик, с виду лет восьми-девяти, безвольно свешивался с моста, а человек с рюкзаком держал его, вцепившись в пуховик. Человек что-то говорил, но из-за ветра ничего не было слышно.

Мужчина снова взглянул на машину, которая настойчиво моргнула фарами ещё раз. Нужно было топиться, но...

Он опять посмотрел на мост. Руки, державшие куртку мальчика, разжались.

2

Клиника располагалась на заднем дворе в заросшем плющом здании, которое будто бы с любопытством заглядывало за стену замка Фредерика VIII. Из окна приёмной Элоизе Кальдан была видна покрытая инеем верхушка купола Мраморной церкви и гвардейцы, которые, как лунатики, ходили кругами по площади перед королевской резиденцией Амалиенборг.

Она взяла в руки глянцевого журнала и, листая его, нервно покачивала ногой. От волнения у неё покалывало в пальцах, а отсутствующий взгляд блуждал по репортажам с показов мод и рекламе кремов для лица. Всё так поверхностно, только и дел, что перевозносить подростковую анорексию, прикрыв это красивой обёрткой.

Кто вообще читает эту чушь?

Она бросила журнал и огляделась.

Помещение как будто сошло с обложки какого-нибудь калифорнийского каталога интерьеров. Оно было выдержано в коньячных тонах, на общем фоне выделялись только суккуленты в громадных глиняных горшках. Стены украшали плакаты и литографии всевозможных размеров и форм. Они висели так плотно, что посетитель едва угадывал под ними асфальтовый оттенок самих стен. На полу лежал кремового цвета ковёр в берберском стиле, который завершающим штрихом связывал все элементы воедино. Всё было до того красиво, что легко было и забыть, зачем, собственно, ты сюда пришёл.

И всё же...

В приёмной ожидали ещё два пациента. Пожилой худой мужчина и девушка с молочно-белой кожей и огромными светло-серыми глазами. Элоиза дала бы ей не больше восемнадцати лет и очень хотела бы верить, что та пришла сюда по иной причине, нежели она сама.

Высокий светловолосый мужчина в белых кожаных штанах и мятно-зелёной футболке выглянул в приёмную, и девушка сразу выпрямила спину. Она втянула ноздри, надула губки и выпятила их, слегка приоткрыв рот, как для поцелуя, стараясь, чтобы они выглядели полнее. Получилось такое выражение лица, будто она почувствовала дурной запах.

«Привычка к селфи», — подумала Элоиза. Одно из самых странных изобретений нашего времени.

— Элоиза?

Она встала.

Теперь оставалось только дотерпеть.

Врач жестом пригласил её в смотровую. Заглянул в медицинскую карточку на мониторе компьютера и перевел взгляд на Элоизу.

— Илоиза... Вы беременны?

Он неправильно произнёс её имя. В таком виде оно звучало неприятно. Как-то напряжённо. Элоиза поправляла врача каждый свой визит к нему вот уже четыре года. В этот раз она не стала этого делать и просто сказала:

— Да, похоже на то.

— У вас раньше были беременности?

Она покачала головой и протянула ему тест, который лежал у неё в сумке. Две красные полоски. Одна была отчётливой, вторая пастельной и неяркою, как бледная радуга, но вполне различимой, если смотреть на тест издали.

Врач взглянул на него и кивнул:

— Результат, похоже, положительный. Я так понимаю, вас это сейчас не вполне устраивает?

— Да, это не входило в планы.

Он кивнул и сел за белый блестящий стол.

— Да, и такое бывает.

Элоиза села напротив и поставила сумку на старый паркет. Пол не меняли с момента постройки здания, он был покрыт мелкими трещинками, какие бывают на старых супницах, и уже пошёл волнами, так что стул под Элоизой слегка покачивался.

Врач тепло улыбнулся, подчеркивая, что она может говорить с ним абсолютно откровенно. Ямочки у него на щеках были похожи на отпечатки пальцев на глине, а его глаза без тени смущения были устремлены на неё. Ей понадобилась пара лет, чтобы понять, что их магнетическое сияние и прямой взгляд не были направлены исключительно на неё. Он не флиртовал, он был искренне заинтересован в её здоровье. К тому же блеск его сине-зелёных глаз перекликался с блеском полированного кольца из белого золота на безымянном пальце.

— Согласно той информации, которую вы предоставили, когда звонили сегодня с утра, вы примерно на пятой неделе. Верно?

Элоиза опустила взгляд и кивнула. Во всяком случае, такой результат выдал сайт для беременных, который она нашла в интернете.

— Это хорошо, — сказал врач. — Дело в том, что в Дании медикаментозный аборт возможен в первые семь недель беременности. С восьми до двенадцати недель возможно только хирургическое прерывание.

Элоиза вновь подняла глаза.

— То есть нужно ложиться в больницу?

— Да. Это кратковременное хирургическое вмешательство, тем не менее всегда лучше избегать наркоза, если есть такая возможность. Поэтому я дам вам вот это...

Он протянул Элоизе таблетку из упаковки, на которой зелёными буквами было написано «Мифегин».

— Вы примете её, когда мы подтвердим ваш срок, и беременность будет гарантированно прервана.

Он сделал пол-оборота на офисном кресле и добавил привычные пару строк в медицинскую карту.

— Я выпишу вам рецепт на 50 мг «Диклона», он способствует расслаблению мышц, и препарат под названием «Сайтотек».

Пока он говорил, сердце Элоизы билось как-то непривычно, неровно.

Беременность будет гарантированно прервана...

Во что она ввязалась? Как она, чёрт побери, вообще очутилась здесь?

— Процедура займёт не больше пары часов, и обычно всё проходит нормально, — продолжал врач. — Однако всё равно лучше выделить на это целый день, и чтобы кто-нибудь был рядом, пока это происходит. Я не припомню: есть ли у вас молодой человек, который сможет за вами присмотреть?

Элоиза покачала головой:

— И да, и нет. У нас всё... сложно.

Врач сжал губы и понимающе кивнул:

— Так обычно и бывает. Для большинства это непростая ситуация.

Элоиза посмотрела на таблетку на своей ладони и подумала про Мартина.

Она знала, что известие о ребёнке привело бы его в восторг. Мартин обрадовался бы и преисполнился ожиданий сверх всякой меры, а их отношения перешли бы на следующий уровень: он понуждал бы её двигаться вперёд семимильными шагами, а ей бы захотелось сделать шага три назад.

Элоиза предпочитала, чтобы всё оставалось как есть. Или, вернее, как было. Их отношения были забавными, милыми и, что самое главное, всё ещё ни к чему не обязывали. Но потом ей стало казаться, что с каждым днём они всё больше напоминают тикающую бомбу. Отсчёт начался с появлением двух полосок на тесте, и перед внутренним взором Элоизы уже мигали красные цифры, показывавшие время, которое оставалось до судного дня. Эта дрянь взорвётся, какой бы провод она ни решила резать — хоть красный, хоть синий. Это она знала.

Врач внимательно смотрел на Элоизу, пытаясь верно истолковать сдержанный язык её тела.

— Если вы сомневаетесь, вы можете, конечно, подождать...

— Я не сомневаюсь.

— Ладно, но тогда давайте посмотрим, какой у вас всё-таки срок?

Он подбородком указал на кушетку и надел очки в пластиковой оправе стального цвета. Стёклышки очков смотрелись на удивление маленькими на его широком лице.

— Такой домашний тест может быть неточным, а нам нужно быть уверенными, что ваш срок не больше восьми недель.

Элоиза сделала глубокий вдох и сняла куртку.

Тишину в комнате нарушало лишь тиканье секундной стрелки часов, висевших над кушеткой, и размеренное дыхание врача.

Сама Элоиза задержала дыхание.

Она лежала, отвернув лицо от изображений на мониторе, она боялась, что никогда не сможет стереть их из памяти, если увидит хоть на мгновение. Целую неделю она старалась не представлять себе, что там внутри, но по ночам ей спалось очень беспокойно, она вертелась волчком на мокрых от пота простынях и видела во сне маленькие ручки и ножки. Пальчики на них. Шею со складочками.

И никогда не видела лица.

Каждый раз в том месте, где заканчивалась шея, было лишь бесформенное пятно. Вогнутая поверхность, без контура, без цвета, как будто у ребёнка вместо головы была тарелка.

Что бы это значило?

Что она не хотела продолжать род Мартина? Что она приходила в ужас от мысли о продолжении своего собственного?

Элоиза никак не могла перестать думать, передаётся ли зло по наследству.

Могла ли у кого-то в крови притаиться гнильца, как дремлющая клетка, которая способна проявить себя через поколение или два. Ей ни при каких обстоятельствах не хотелось предоставлять своё тело для такого эксперимента.

— Так, Илоиза, — сказал врач, — он уже довольно большой. Посмотрите сюда...

Элоиза нехотя повернулась.

— Вот здесь мочевой пузырь, здесь желудок... — Врач указывал на экран, на котором была видна неприятная чёрно-белая масса. — А это матка, видите?

Элоиза положила голову набок и тупо уставилась на кляксу перед собой. Это мог быть ультразвук чего угодно: человеческого мозга, коровьего желудка... Или Юпитера! Разницы она бы не увидела.

Он нарисовал пальцем небольшой круг вокруг пятнышка в форме арахиса.

— Вот, видите? По всей видимости, вы правы насчёт пяти недель, плюс-минус пара дней.

Элоиза кивнула и отвела взгляд.

— Всё в порядке? — спросил он и отключил монитор. — Ситуация прояснилась?

— Да. — Она приподнялась на локтях. — Но я вообще-то хотела спросить о другом. У меня уже довольно долгое время неприятное потягивающее ощущение в теле...

Врач снял латексную перчатку, из-за чего в воздухе образовалось облачко талька, и кивнул, чтобы она продолжала:

— Расскажите поподробнее.

— Не знаю, как объяснить. Что-то у меня... не в порядке. Хожу как потерянная, как будто в тумане, мысли мельтешат в голове. И это уже давно, мне кажется. Несколько месяцев. Задолго до вот этого, — она кивнула на живот.

Врач снял очки с носа двумя пальцами и положил их в карман футболки, внимательно глядя на Элоизу.

— Вы сказали «неприятное ощущение». Вы имеете в виду какого-то рода беспокойство?

— Да.

— На грудь давит? Учащённое сердцебиение?

Она кивнула.